

ДЕТЕКТИВНЫЙ
РОМАН

**ЧИТАЙТЕ
ЛЮБОВНО-ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ
ЛЮДМИЛЫ МАРТОВОЙ
В СЕРИИ «ЖЕЛАНИЕ ЖЕНЩИНЫ»:**

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
В Коктебеле никто не торопится
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Первый шаг к мечте
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Дьявол кроется в мелочах
Туман над темной водой
Лунная дорога в никуда
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Кружевное убийство
Тайну прошепчет лавина
Алая гроздь турмалина
Рассвет наступит незаметно
Запретные воспоминания

ЛЮДМИЛА
МАРТОВА

ПРИВОРОТ
ДЛЯ ЗОЛУШКИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Ранее роман издавался под псевдонимом *Л. Зарецкая*
Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *С. Курбатова*

Мартова, Людмила.

М29 Приворот для Золушки / Людмила Мартова. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Детективные романы Людмилы Мартовой).

ISBN 978-5-04-168474-7

Вокруг туристического агентства «Вип-тур» разгораются настоящие страсти, когда при странных и загадочных обстоятельствах погибает несколько клиентов. В центре скандала оказываются руководители компании — ловелас Стас Развольский и его штатная «золушка» — Наталья Удальцова. Слепая любовь к своему эгоистичному и беспринципному боссу, который легко и не задумываясь подставляет ее при первом же удобном случае, заводит Наталью в пропасть отчаяния.

Оказавшись без работы, без денег, без друзей и без всяческой поддержки, она должна не только заново научиться жить, рассчитывая только на саму себя, но и раскрыть преступления, сыгравшие роковую роль в ее жизни. И воздать по заслугам бывшему боссу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168474-7

© Мартова Л., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ГЛАВА 1

РАССТРОЙСТВО

ПРИВЫЧЕК

Тебя будут слушать так,
как ты причесана.

Янина Ипохорская

Моему деду, под фамилией которого выходят мои книги. Умение складывать слова в предложения мне досталось по наследству именно от него, всю жизнь проработавшего журналистом. Помню и люблю.

«Матре-на! Матре-на!»

Голос за окном был настолько пронзительным, что проснувшаяся Наталья невольно поморщилась. Взгляд на часы подтвердил ее худшие опасения. Полседьмого, еще можно спать часа полтора. Но уснуть вряд ли удастся, через двадцать минут встанет Ленчик, захлопает дверь туалета, собака засуетится в предчувствии завтрака, зацокает лапами по плитке в прихожей. Вода застучит тугой струей о дно ванны. В общем, дом наполнится утренними звуками, неспособными разбудить, если ты крепко спишь, но и не дающими заснуть, если ты уже проснулась.

«Матре-е-ена! Кис-кис-кис. Иди сюда, я тебе рыбку принесла».

ТЬфу ты, проклятие. Эту Матрену, толстую облезлую кошку с наглыми глазами, Наталья ненавидела. Животина смотрела всепонимающе, заставляя ее вспоминать о своих грехах (а их, что ж поделать, было немало). Кроме того, кошка безбожно гадила в подъезде. В любое время года, выходя на лестничную клетку или входя в подъезд, Наталья чувствовала неповторимое амбре, опускающее их вполне благопристойный дом до уровня окраинной хрущобы.

Хозяйку кошки Матрены Наталья не любила еще больше. Между вертлявой тощей старушенцией по имени Мария Ивановна и семьей Удальцовых давно возникло противостояние, неделю назад переросшее в открытую войну.

Восьмилетний Ромка, уходя в школу, забыл дома ключ. Ленчик не проверил, а Наталья, как водится, еще спала. В результате сын, вернувшись с уроков, поцеловал входную дверь. В подъезд он все-таки попал благодаря спешившим на обед соседям. Парень не растерялся, с соседского мобильника (о своем второклассник Ромка еще только мечтал) позвонил Наталье и остался ее ждать, уютно устроившись на подоконнике между вторым и третьим этажом.

Здесь-то его и застучала возвращавшаяся из магазина Мария Ивановна. Уж чем ей не угодил болтающий ногами пацан, так и осталось тайной. Но бабулька, несмотря на немощь, обладающая недожинной силой, стащила его за эти самые ноги на пол.

Прискакавшая с работы Наталья обнаружила сына заходящимся в рыданиях, забившимся под лестницу, с огромной шишкой на голове. Вечером вернувшийся с работы Ленчик отправился разбираться с бабкой. Он орал на весь подъезд, а назавтра к Удальцовым пришел участковый. Мария Ивановна написала заявление о рукоприкладстве.

Ленчик лишился дара речи, потому что не трогал старуху даже пальцем. Участковый сочувственно кивал головой, цену Марии Ивановне и ее рассказам он знал отлично, но, уходя, посоветовал быть аккуратнее.

Удальцовы стали избегать старушенции. Наталья даже начала встречать Ромку из школы, чтобы он не входил в подъезд один. Однако подлая старуха не успокаивалась. Жалобу на то, что сосед Леонид Удальцов систематически оскорбляет ее нецензурной бранью, а также избивает ногами, она отнесла в ЖЭК и вдобавок отправила Наташке на работу. Место работы самого Ленчика она, к счастью, не знала.

Еще одним вариантом мести со стороны бабки был мусор, регулярно подкладываемый в почтовый ящик

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

Удальцовых. К примеру, только вчера Наталья обнаружила там наполовину сгнившую селедочную голову. Пользоваться продизенфицированным, но все равно воняющим ящиком стало невозможно. Как избавиться от напасти в виде полоумной соседки, Наталья совершенно не представляла.

«Матре-е-на!»

Еще раз тяжело вздохнув, Наталья вылезла из кровати и поплелась в ванную. Из зеркала на нее смотрело бледное лицо с синими подглазниками и взлохмаченными волосами. «И что Развольский во мне нашел?» — привычно подумала она.

Утренняя маета проходила, мысли прояснились. Боль, привычная, застарелая, возвращалась на свое законное место, распускаясь кольцами, занимая все пространство и в голове, и между животом и сердцем, где, по разумению Натальи, обреталась душа.

Причину этой боли — любовь к своему шефу, красавцу и ловеласу Станиславу Развольскому, — Наталья привыкла считать чем-то средним между бедой и болезнью. Насколько спокойной с самого начала была ее семейная жизнь с Ленчиком, настолько бурным и мучительным стал этот затянувшийся и, по большому счету, никому не нужный роман.

Наталья точно знала, что Развольский изменяет жене не только с ней, но и с другими женщинами. Даже на работе у него приключались две-три интрижки в год, которые зарождались, расцветали и отмирали у нее на глазах. Наталья мучилась, но терпела. Стоило только Развольскому посмотреть на нее глазами цвета тополевого шоколада, отороченными пушистыми, по-женски длинными ресницами, как она тут же таяла и забывала все данные самой себе клятвы выжечь любовь к нему каленым железом.

В разговоре с подругами Наталья утверждала, что последние пять лет у нее функционирует только одно полушарие. Лишь половина мозга контролирует ведение всех дел их турагентства, воспитание Ромки, хлопоты по хозяйству, общение с мамой, встречи с друзьями, минимальное внимание к Ленчику и разгадывание кроссвордов — хобби с институтских времен...

Второе полушарие наглухо занято Развольским. Его настроением, обострившимся геморроем, ссорами с женой, недовольной складкой на переносице, взглядом, которым он «не так» одарил ее, Наталью, возможными причинами его недовольства. Хотя Наталья очень старалась, чтобы этих причин не было.

Развольский присутствовал в ее мыслях постоянно. Иногда уходя на задний план, например, когда у Ромки поднималась температура, но все-таки не покидая их насовсем.

Функционировать одним полушарием было трудно, но Наталья пока справлялась.

Благодаря раннему пробуждению времени было навалом. Поэтому она с удовольствием приняла душ с тонизирующим гелем, намазала тело душистым молочком, подходящим к любимым духам, представила, как Развольский блаженно вздохнет, уткнувшись носом в ложбинку между грудями, крепко зажмурилась от следовавшей за этим картины, решительно помотала головой, отгоняя наваждение, и стала ожесточенно тереть лицо скрабом.

Минут через пятнадцать, когда в коридоре зашлепали шаги мужа, она была уже вполне довольна собой.

«Килограммов бы пять скинуть», — напоследок подумала она и, намотав на голову полотенце, выплыла из ванной.

— Ты чего в такую рань встала? — спросил возившийся на кухне Ленчик.

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

— Да бабка проклятая опять свою кошку звала. Я от нее, Лень, когда-нибудь с ума сойду, — жалобно ответила Наталья.

— От кого от нее, от бабки или от кошки? — Ленчик преподавал в педуниверситете русский язык и не терпел вольного обращения со словом.

— Да от обеих, — махнула рукой Наталья и заглянула в холодильник, размышляя, что бы съесть.

С лишним весом она боролась ожесточенно. Борьба была беспощадной и бессмысленной, как русский бунт. Потерянные ценой двухнедельного голодания килограммы через пару дней обычного питания упорно возвращались обратно. Ленчик всех этих мучений не понимал, считая 46-й размер жены вполне нормальным.

Подруги Лелька, носившая 48-й, и Настя, имеющая добрый 52-й, оставляли Наталье надежду, что жизнь все-таки проходит не напрасно. Однако ее лучшая со школьных времен подруга Алиса носила 44-й, а Инка и вообще 42-й, так что, глядя на них, Наталья всегда чувствовала себя жирной неудачницей.

Самое печальное, что жена Развольского Ирина тоже держалась в 42-м размере. Отправляясь с Натальей за границу, Стас обязательно покупал какое-нибудь Burberry или еще что-нибудь подобное из мира высокой моды с наглой надписью XS, европейским числом 34 или американской четверкой на бирке. Наталья застывала у стойки с восьмеркой или «эмкой», стесняясь примерить понравившуюся вещь. Ирину она ненавидела.

Оглядев полку с ровными рядами творожка «Данон», Наталья в сотый раз за утро вздохнула и закрыла холодильник. Вьющийся рядом коккер-спаниель Сеня, любимец всей семьи и главный враг кошки Матрены, на

мгновение застыл и тоже вздохнул. Он уважал только открытый холодильник.

— Бутерброд сделать? — участливо спросил Ленчик. Наталья ожесточенно замотала головой.

Муж варил кофе. Все девять лет их брака Наталья, просыпаясь, находила на плите турку со свежесваренным, пусть и остывшим кофе. Она даже привыкла пить его холодным, потому что подогревать было лень.

«И почему я его не люблю, — снова привычно подумала она, глядя, как Ленчик сосредоточенно следит за поднимающейся, словно вязаной пеной. — Он в тысячу раз лучше Стаса. Порядочный, добрый, чуткий. Хотя нет. Лучше Стаса никого быть не может. Он — особенный. Самый красивый, самый сексуальный, самый потрясающий...»

Поймав себя на том, что она вновь позволила мыслям свернуть на Развольского, Наталья вздохнула в сто первый раз.

— Что вздыхаешь, соня? — тут же отреагировал Ленчик. — Не выспалась? Нужно было утренние сны смотреть, а не бабку сумасшедшую слушать. Будешь теперь целый день носом клевать.

В комнате у Ромки зазвенел будильник. Звонко застучали маленькие пятки, зажурчало в туалете, снова топот, и в кухню ворвался сын — круглая заспанная мордуленция, тощая попка, обтянутая пижамными штанами, копна вьющихся (смерть девкам) волос, на носу конопушки.

— Доброе утро, пап. Мам, а ты чего встала?

Отпивая маленькими глотками кофе, Наталья с удовольствием наблюдала за утренней суетой своего семейства. Обычно она просыпалась, когда дома оставался один Сеня. Вот Ленчик жарит Ромке яичницу, а сын деловито решает, прокалывать сегодня «глаза» или нет... Вот Сеня торопливо ест свою кашу, а потом

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

возвращается на «вахтенное место», поближе к Ромке, который, конечно же, втихоря спускает ему под стол здоровенный кусман булки с маслом... Вот ее мужики натягивают ветровки и проверяют, не забыли ли они чего: Ленчик, хлопает себя по карманам в поисках ключей, Ромка судорожно роется в школьном рюкзаке.

Чмок. Чмок. Хлопает входная дверь. Ромка убежал в школу, а Ленчик сейчас выгуляет Сеню и ненадолго вернется. Надо выйти в коридор, чмокнуть его еще раз, а то обидится. Интересно, а Ирина целует Развольского перед его уходом на работу?

Спустя час элегантно одетая и умело покрашенная Наталья вышла из дома, счастливо избежав встречи с неприятной соседкой, села в свой «Фольксваген» и поехала в агентство. Ее ждала настоящая жизнь, которая начиналась каждый день, кроме выходных, ровно в 9 утра — со встречи с Развольским и не сулила на сегодня никаких неприятностей. В тот момент Наталья считала именно так.

Любовь — это болезнь. Это не я придумала, а ученые подтвердили. И не какие-то там никому не известные, а эксперты Всемирной организации здравоохранения. ВОЗ даже присвоила этой болезни международный шифр F63.9 и внесла в раздел нервных болезней под пунктом «Расстройство привычек и влечений неуточненное». Вместе с алкоголизмом, клептоманией, игроманией и токсикоманией. Соседство, конечно, малоприятное. Зато правда.

И заражаются этой болезнью все без исключения. Правда, в зависимости от защитных сил ор-

ганизма по-разному. Кто-то легко подхватывает «инфекцию» при первом же сквозняке чувств. Зато и переносит ее легко, как насморк, практически на ногах.

Кто-то переживает любовь, как малярию, с тяжелыми приступами жара, сменяющегося диким ознобом, трясясь в лихорадке, стуча зубами в непереносимой муке и расслабляясь между приступами, возвращаясь к нормальной жизни, в которой ничто не напоминает о том, как это было. Ничто не предвещает нового припадка, но он, как ты знаешь, обязательно будет.

Для кого-то любовь — корь. Детская, совсем не страшная болезнь, запоминающаяся высокой температурой (всего лишь на несколько дней, подумаешь) и оставляющая стойкий иммунитет на всю жизнь. Для кого-то — вирусный гепатит, чреватый серьезными последствиями для печени и приводящий к летальному исходу в случае осложнений.

Для кого-то любовь — рак, разъедающий внутренности. Разрастающаяся опухоль, вытесняющая нормальные мысли и эмоции, заполняющая собой весь организм, заставляющая его работать только на себя, съедающая его без остатка. Единственное спасение — в своевременном хирургическом вмешательстве. Если повезет, оно пройдет успешно и есть шанс выжить. Если нет, то тебе уже никто и ничто не поможет. Метастазы твоей любви заставят корчиться в жутких муках, сожгут дотла, выпьют все соки, равнодушно наблюдая изнутри за твоими страданиями. Смеясь над твоей болью. Над твоими слезами. Твоими тщетными попытками остаться в живых.

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

Ученые из Всемирной организации здравоохранения! Ну придумайте же прививку от такой страшной, непоправимой болезни, как любовь. Мы все — переболевшие и пока не заразившиеся, выжившие и погибшие — мы все очень надеемся на вас!

Неужели это он? Господи, помоги мне не ошибиться! Это ведь так важно! Десять лет мне снилось это лицо. Красивое, это да, но какое-то порочное. Может быть, мне так кажется, потому что я знаю, что он действительно порочен. До мозга костей, до последней капельки своей вонючей подлой крови.

Я никак не ожидала его увидеть. Тем более вот так. Без всякого предупреждения. Десять лет как я ищу это лицо на улицах. Не специально — подсознательно. Надеюсь встретить и сказать: «Ты подонок. Ты убил мою сестру».

Было время, когда я мечтала об этой встрече, бредила ею. Представляла, как он бледнеет, теряет самообладание, как на нас начинают оборачиваться окружающие, а я рассказываю им всю правду про этого мерзавца. Севу, Савву, Славу? Господи, я уже даже забыла, какое имя назвала мне Лена тогда, когда я первый и последний раз его увидела.

С годами мечта стала мельчать, стираться. Я поняла, что Лена ушла совсем, и никакая встреча и никакая правда не способна ее вернуть. Я успокоилась, перестала часами бродить по улицам, пересаживаться из одного троллейбуса в другой, перескакивать из трамвая в трамвай в надежде поймать это красивое ненавистное мне лицо с чуть искривленным носом, тонковатыми, немужскими губами и чубом над лбом.

ЛЮДМИЛА МАРТОВА

Я почти забыла это лицо. И теперь, когда я его наконец-то увидела, я не уверена, что не обозналась. Решено. Как только вернусь, я снова пойду туда, чтобы как следует его рассмотреть. Если это действительно он, я его уничтожу. Я сделаю так, что от него уйдет жена, если, конечно, она у него есть. Его выгонят с работы. Его имя будет покрыто несмываемым позором. И тогда Лена будет отомщена. Хотя ее это, конечно, все равно не вернет.

ГЛАВА 2

ПРАВИЛА ЖЕНСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Если женщина идет
с опущенной головой,
у нее есть любовник.

Если женщина идет
с высокоподнятой головой, –
у нее есть любовник.

Если женщина держит
голову прямо – у нее есть
любовник. И вообще – если
у женщины есть голова,
то у нее есть любовник.

Фаина Раневская

однявшись на второй этаж крупного офисного центра, где располагалось туристическое агентство «VIP-тур», Наталья счастливо поняла, что Развольский уже приехал. В воздухе висел густой запах его одеколона, который она даже при сильном насморке не могла перепутать ни с каким другим. Развольский всегда благоухал «Живанши», и Наталья этот запах обожала.

Она вспомнила, как однажды стояла в небольшой очереди, создавшейся у кассы в книжном магазине, и вдруг почувствовала этот аромат, сводивший ее с ума. Сердце подскочило к горлу от мысли, что рядом стоит Стас. Наталья стремительно обернулась. Позади обнаружился благообразный дядечка средних лет. Поймав взгляд симпатичной блондинки, он улыбнулся, но Наталья не смогла скрыть недовольной гримасы. Стремительно накатило разочарование. Не он. Показалось. Не увижу.

Но сейчас в офисе пахло именно Развольским, и, входя в их общую приемную, Наталья чуть ли не напела.

При виде секретарши Ани ее настроение, впрочем, слегка испортилось. Аня работала у них третью неделю и старательно липла к Развольскому. В ход были обычные женские уловки: юбка, открывающая длинные ноги и едва прикрывающая попу, короткие маечки, из-под которых при каждом движении вылезал проколотый пупок с фальшивым бриллиантом, соблазнитель-

ное покачивание бедрами при ходьбе и томные взмахи ресницами.

Пару дней назад секретарша пустила в ход убойное оружие и принесла на работу альбомчик с видами своего летнего отдыха. Наклонившись над столом Развольского так, что он практически упал носом в ее вырез, Анечка демонстрировала шефу товар, что называется, лицом. На фотографиях она была в весьма откровенном купальнике, который многообещающе намекал Развольскому на то, ЧТО именно он может приобрести в свое пользование.

При виде всего этого Наталья озверела, а Развольский самодовольно заулыбался. Если он пока и не переспал с очаровательной секретуткой, то точно намеревался сделать это в самое ближайшее время.

Сегодня Аня была в новой джинсовой мини-юбке, туго обтягивающей ляжки, турецкой майке с надписью «Шанель», колготках в сеточку и босоножках из искусственной кожи. Проходя мимо, Наталья фальшиво улыбнулась и мимоходом заметила, что лак на ногах у секретарши изрядно облупился. «Боже мой, какая дешевка, — с горечью подумала она. — А ведь Стас все равно ее трахнет. Он эстет, конечно, но только до некоторого томления в паху».

Переборов желание сразу же зайти к нему, чтобы поздороваться, Наталья взялась за дверную ручку своего кабинета, но тут Развольский стремительно вылетел в приемную, и Наталью затопила привычная волна нежности. «Стас. Стасик. Родной мой. Как же я по тебе соскучилась со вчерашнего дня», — пронеслось у нее в голове, но она лишь дежурно улыбнулась, соблюдая приличия.

— Доброе утро, Стас.

— Привет, Натусь. Я планерку созвал на 9.30. Ты загляни ко мне, обсудим, что и как.

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

— Конечно, сейчас сумку только положу, — ответила Наталья, огромным усилием воли заставляя себя не мчаться со всех ног к нему в кабинет.

— Анютка, душа моя, а ты свари мне кофе и проследи, чтобы нам с Натальей Петровной никто не мешал. Нам нужно обсудить вопрос возможного стратегического партнерства со шведами.

— Хорошо, Станислав Николаич. — «Душа» взмахнула ресницами с налипшей тушью и встала со стула, вильнув бедром. Наталье захотелось ее задушить.

Когда все необходимые к планерке бумаги были разложены на столе для переговоров, кофе сварен и подан (при этом мерзавка Анечка умудрилась ягодицей задеть Стасову руку), а дверь закрыта, Развольский подошел к Наталье и грубо притянул ее к себе:

— Ну, здравствуй, Заяц.

Ласкательные имена Наталья ненавидела. От них на версту разило чем-то ненатуральным. Похожим на фальшивый бриллиант в пупке секретарши. Однако Развольский такие словечки обожал. Жену Ирину он в телефонных разговорах звал Масюской. А она его, Наталья своими ушами однажды это слышала, — Масяской. Ее, Наталью, тогда от этого чуть не стошнило.

У них в семье мама и папа всегда называли друг друга только по имени. И с Ленчиком у них было не принято обмениваться какими-то дурацкими кличками. Но Развольскому Наталья прощала все, в том числе это.

— Здравствуй, солнце мое. Как вечер прошел, как ночь?

Вопрос не был праздным. Развольский, а вслед за ним и Наталья, трепетно относился к собственному здоровью. Вскочивший на лице прыщик был явным началом раковой опухоли. Запор грозил отравлением организма шлаками. Понос, спаси господи, обезвоживанием.

При малейшем подозрении на насморк Развольский спешил в постель. Участь обкладывать его бутылками с горячей водой и подносить обильное питье выпадала на долю Ирины, которой Наталья безумно завидовала.

— Все нормально, Заяц. Печень, правда, немного пошаливает, но ты не волнуйся, — Развольский заметил, как у Натальи изменилось лицо, — думаю, это от креветок. Не надо было есть их на ночь.

Он рывком вытащил блузку Натальи из юбки и жадно схватил ее за грудь.

— Как тут у нас?

— Стас, перестань, планерка же сейчас. Вдруг войдет кто, — слабо засопровтивлялась Наталья, чувствуя горячую волну, стремительно нарастающую между ногами. Почему она так реагировала на своего начальника, было для нее загадкой. Совершенно спокойно относящаяся к сексу в принципе, Наталья прекращала соображать, стоило только Станиславу взять ее за руку.

— Неа, не перестану. Я соскучился, — пробурчал Развольский, припадая губами к ее соску.

— Перестань сейчас же. Немедленно. Что люди скажут?

— Ничего не скажут. — Развольский нехотя выпустил Наталью и вернулся в кресло, поправляя вздувшиеся спереди брюки от дорогого костюма. — Ничего не скажут, Заяц, будут завидовать молча.

— Кому завидовать? — Наталья судорожно заправляла блузку, ей показалось, что в приемной хлопнула дверь.

— Тебе, конечно. — Развольский оглушительно захотел. — Как будто ты не знаешь, что по мне половина нашего коллектива сохнет. Так что тебе, Заяц, сильно повезло в этой жизни.

— Так же сильно, как и второй половине нашего коллектива, — съязвила Наталья.

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

— Ну-ну, перестань ревновать. Я, между прочим, пять лет с тобой встречаюсь. Честно говоря, сам от себя не ожидал такого постоянства.

— А что там со шведами? — спросила Наталья, пытаясь переменить тему.

— Да ничего. Это я нашей курочке для отвода глаз сказал.

— Жаль, — искренне огорчилась Наталья, — я их ответа уже три недели жду.

— Ой, Натусь, да не относись ты к этому с таким фанатизмом. Неделей меньше, неделей больше, какая разница.

— Как какая? — Наталья даже рот открыла от изумления. — Это же выводит нашу фирму на совершенно новый уровень! Стас, ну будь ты серьезней. Это же твой бизнес, не мой. Я тут всего лишь исполнительный директор, наемный работник. А ты владелец. Ты же не можешь не понимать, что нам сулит сотрудничество со шведами! И вообще. Я столько сил убила на эти переговоры...

— Я ценю, Натусь. Честное слово, ценю. Просто у меня все мыслы внизу. Прямо сидеть неудобно. — И Развольский неприлично облизал губы. Наталью охватил жар, от которого зарделись щеки и запылали уши.

Постепенно кабинет набивался сотрудниками. Поднялся обычный деловой шум. Лето уже позади, но бархатный сезон в самом разгаре, и туристический ажиотаж пока не спадал. Деньки для агентства были довольно жаркими. Где-то посольства тянули с выдачей виз. Где-то зарубежные партнеры подвели с трансфером. Кто-то из клиентов потерял в чужой стране паспорт и не мог вернуться домой забронированным рейсом.

Наталья умело управляла рутинными потоками, давала поручения, выслушивала отчеты. Развольский бар-

ственно развалился в кресле, особо не вникая в происходящее. Он знал, что она ничего не пропустит.

— Володя, а что у нас с новыми рекламными буклетами? — спросила Наталья у директора по маркетингу. Парень ей нравился. Он обладал бульдожьей хваткой, умело выбивал скидки с рекламных агентств и никогда ничего не забывал. Это качество Наталья в нем ценила больше всего, пожалуй, за исключением легкого открытого характера.

— Все нормально, Наталья Петровна, после планерки я их вам занесу. Выберете, что понравится, — откликнулся он, и Наталья благодарно улыбнулась.

В этот момент открылась входная дверь, и в кабинет ввалилась Верочка, менеджер по продажам.

— Представляете, — возбужденно закричала она, — одна из наших клиенток в восемь утра выбросилась из окна! Только вчера вечером вернулась из Турции — и того, каюк. Из милиции звонили, сейчас приедут. Они у нее на столе договор с нашим агентством нашли.

В кабинете повисла нехорошая тишина.

«Интересно, эта пигалица сама в окно сиганула или все-таки помог кто?» — лениво думал капитан Бунин по дороге с места происшествия в крупнейшее городское турагентство. С одной стороны, никаких следов, указывающих на то, что 28-летнюю Ангелину Степановну Маркелову (незамужняя, бездетная, образование высшее, кредитный инспектор в банке) выбросили с восьмого этажа, не было. С другой — предсмертной записки она не оставила, да и причин покончить жизнь самоубийством у нее, если верить соседям, тоже не наблюдалось?»

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

В квартире Маркеловой (добротнo отремонтированной и со вкусом обставленной) все свидетельствовало, что гражданка явно не бедствовала. На прикроватной тумбочке валялись небрежно брошенные колечки — два с бриллиантами, третье с сапфиром. В ушах, как Иван успел заметить, тоже были брeюлики.

«Ирке бы такое колечко подарить, — мимоходом подумал Бунин. — Вот бы обрадовалась. Но мне с моей зарплатой не осилить. Кстати, девушка Маркелова у нас всего лишь кредитный инспектор, тогда камушки откуда? От родителей? От любовника? Вот дождусь, что Ируська тоже себе такого найдет, богатого. Хотя нет, Ирка — она не такая...»

На столике в гостиной лежал договор с туристической компанией, в комнате стоял наполовину распотрошенный чемодан, и бдительная соседка с третьего этажа доложила, что «Гелечка буквально вчера вернулась из турне». В заграничном паспорте действительно стояла свежая турецкая виза.

Один из оперативников отправился к Маркеловой на работу, другому выпала печальная участь сообщить о происшествии ее родителям, а Бунин поехал в тур-агентство. Чем черт не шутит, вдруг в путешествие девушка ездилa не одна. Глядишь, и найдется какой-нибудь богатенький Буратино, способный выдавать на гора бриллианты и поездки к морю.

В агентстве Бунину были не рады. Скрытую агрессию он почувствовал прямо с порога дорого обставленного кабинета, табличка на котором (он успел ее прочитать) гласила: «Наталья Петровна Удальцова, исполнительный директор».

Этой Наталье Петровне было слегка за тридцать. Фигура неплохая, женственная, округлая, без модных нынче угловатостей. Одежда дорогая, сразу видно. И подобрана со вкусом. Не то что у девчонки в прием-

ной. Лицо симпатичное, смутно знакомое, но бледное. «Волнуется, — понял Бунин, подбираясь, как гончая перед рывком. — А с чего бы ей волноваться? Или она близко знала убитую?»

— Проходите, — отрывисто бросила Наталья Петровна и рукой указала на дорогое, обитое кожей кресло. — Простите, но у меня очень мало времени.

— А я могу и не к вам, — покладисто кивнул головой Иван. — Директором у вас трудится господин Развольский, если не ошибаюсь. Я готов переговорить с ним, раз вы заняты.

— Станислав Николаевич занят еще больше. Кроме того, речь, насколько я поняла, идет о гибели нашей клиентки, а клиентскую базу веду я. Так что он не сможет быть вам полезен.

— Как скажете, — согласился Иван и опустился в удобнейшее кресло, вновь испытав легкий укол классовой неприязни. — Погибла Ангелина Степановна Маркелова, только вчера утром возвратившаяся из Турции, куда она ездила по вашей путевке. Что вы можете о ней рассказать?

— Ничего, — пожала плечами Удальцова. — Вернее, почти ничего. Я знаю ее паспортные данные, вот, пожалуй, и все. Услугами нашего агентства она пользовалась впервые, так что ее пристрастия в выборе стран и курортов мне неизвестны.

— Она уехала одна?

— Нет.

— А с кем?

— Простите, как вас зовут?

— Капитан Бунин Иван Александрович.

— Бунин? Я про вас слышала.

— Естественно, только плохое. — Иван изогнул бровь.

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

— Нет, разное. Дело в том, что я подруга Алисы Михайловны Стрельцовой.

— Тыфу ты, блин, — вырвалось у Ивана, прежде чем он успел поймать себя за язык.

К Алисе Михайловне Стрельцовой у него было сложное отношение. Она проходила свидетельницей по недавно завершённому делу. Ее любовника убили, и дама почему-то вообразила, что Бунин считает ее причастной к этому преступлению. Это было полным бредом, но Алиса начала собственное расследование, чуть было не став еще одной жертвой преступника. (*Подробнее в романе «Ураган по имени «Алиса».*)

С Буниним у нее не заладилось с самой первой встречи, когда Алиса снабдила его противной кличкой Таракан. Для того чтобы от нее отвязаться, он даже сбрил свои рыжеватые усы. Хотя нет, про усы его попросила Ирочка, с которой он познакомился в конторе у этой самой Алисы. Так что Стрельцовой он благодарен хотя бы за встречу с Ирочкой. Тем более что та говорит, что ее начальница — отличная баба. А это, получается, ее подруга. Тоже та еще фифа, по всему видно.

— Так вот, уважаемый Иван Александрович, — вылетевший «блин» фифа предпочла не замечать, — Ангелина Маркелова ездила отдыхать не одна. У нее был заказан двухкомнатный люкс в одном из лучших отелей Турции, в «Титанике», если вам это о чем-нибудь говорит, конечно.

— Конечно, — закивал головой Бунин, — «Титаник» — это такой утонувший американский корабль.

— Не ёрничайте. Вам не идет, — серьезно сказала подруга Алисы Стрельцовой, и Бунин сразу вспомнил про Таракана. — Путевка в этот отель на 11 дней стоила почти пять тысяч долларов на двоих. Нашим партнером выступила самая дорогая и надежная туристическая фирма «Тур Тревел», перелет был заказан в самой

лучшей авиакомпании, индивидуальный трансфер до отеля, дополнительная медицинская страховка на каждого... В общем, я хочу вам сказать, что Ангелина Степановна, конечно, не смогла бы оплатить такой отдых самостоятельно.

— Ну и?

Удальцова недоуменно посмотрела на капитана:

— Что?

— Я жду фамилию того человека, с которым она летала в Турцию.

— Иван Александрович, это очень известный человек. Я не сомневаюсь, что вы тоже знаете его фамилию. Не думаю, что мы вправе нарушить тайну его личной жизни. Сами понимаете, он женат.

— Наталья Петровна, речь идет либо о самоубийстве, либо, что не исключено, об убийстве человека. Давайте не будем разводить эти ваши бабские антимонии и деловой этикет. Вы прекрасно понимаете, что я подниму авиабилеты и все равно узнаю, кто сидел в соседнем кресле с убитой.

— Понимаю, — вздохнула Наталья и удрученно посмотрела на капитана. — Это был Сергей Васильевич Муромцев.

Бунин смачно и от души выругался.

Несмотря на утреннее происшествие, настроение у него было отличное. В конце концов, эта дура давно нарывалась на неприятности. Что ж, теперь она больше никогда не будет ему докучать. С ним эти бабские штуки не проходят. И предупреждал ведь, чтобы она никогда, никогда не позволяла себе повышать на него голос. Да еще это дурацкое требование жениться... Ин-

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

тересно, все-таки почему бабы так устроены, что им обязательно нужно создать себе курятник?

В общем, он рад, что наконец-то от нее избавился. Она кричала, что он останется один. Ну, точно, дура — она дура и есть. Да у него от баб отбоя нет. Ему стоит только пальцем щелкнуть, как у него тут же появится новая любовница. Да хоть три, только это больно уж хлопотно. Да и дорого тоже, чего скрывать. И хотя с деньгами у него давно уже нет проблем, глупо тратить их на баб. Все равно не оценят.

Интересно, кого теперь выбрать? Может быть, Карину? Хороша девка, ничего не скажешь. Но цену себе знает. Недавно, недели три назад, он кинул пробный шар — сводил ее пообедать. Так она, игриво глядя на него, заказала тигровых креветок в соусе. Полторы тысячи за порцию. И сказала, проникновенно глядя в глаза: «Я, знаешь ли, девушка избалованная, мне угодить непросто».

Он тогда намек понял и отвалил. Тем более что с прежней любовницей на тот момент отношения пока еще не испортились. А сейчас... Может, попробовать? Попытка — не пытка, как говорил товарищ Сталин. Денег, конечно, придется потратить немало. Не без этого. Зато девка — огонь, в постели, сразу видно, кувыркать будет умело. Он такие вещи на раз просекает. С его-то опытом.

А может быть, остановиться на Юльке? С той проблемой совсем не будет. Смотрит, овца, влюбленными глазами... Да она с него пылинки сдувать станет. От радости, что он на нее внимание обратил. Она, правда, похоже, неопытная совсем, но опыт — дело наживное. Иногда ради разнообразия даже интересно почувствовать себя учителем. Тем более что запасной аэродром у него всегда есть. Сколько он с ней лет? Больше пятнадцати, это точно. Эта баба — в его жизни большая уда-

ЛЮДМИЛА МАРТОВА

ча. Страстная, терпеливая, ничего не просит, все прощает. Пришел — хорошо. Не пришел — тоже ладно. Таких бы побольше, житуха была бы — закачаешься.

В общем, пожалуй, сегодня он ее приголубит, а дальше видно будет. Куда кривая вывезет, там и хорошо. И здорово все же, что он от этой козы отделался. Даже не ожидал, что это будет так легко. Прямо прет от этого со страшной силой! Полдня настроение хорошее. Пожалуй, так он в дальнейшем и будет поступать всегда. Ему этих коз не жалко.

ГЛАВА 3

КАК ТЫТОН СБЕЖАЛ С «ТЫТОНКО»

Чтобы достичь успеха, нужно быть обаятельным. Обаяние проявляется во всем и ни в чем одновременно — в исходящей от вас энергии, во взгляде, походке, телосложении, звуке голоса, изящной жестикуляции. Вовсе не обязательно быть признанным красавцем или красавицей, главное — обладать личным обаянием.

Сара Бернар

на обожала море. Уже по дороге из аэропорта, после годового перерыва увидев волны, набегающие на прибрежную гальку, она поняла, что отпуск обязательно будет удачным.

Во-первых, так, как на море, Алиса Стрельцова не отдыхала нигде. Оно лечило не только тело, но и душу. Лежа на пляже, она просто физически ощущала, что становится совершенно другим человеком. Никакие заботы, проблемы, бизнес не имели никакого значения. Во-вторых, в этом году она особенно заслужила релакс.

«Интересно, еще когда-нибудь в моей жизни будет столько событий, сколько приключилось за последние шесть месяцев? — лениво думала она, лежа на пляже и глядя на волны, лизавшие песок. — Сначала я влюбилась в человека, который использовал меня в своем частном расследовании. Более того, некоторое время он даже считал меня преступницей, торгующей наркотиками и человеческим телом, а я, дура наивная, искренне собиралась за него замуж».

Она с горечью вспомнила, как этот человек бросил ее ради ее же одноклассницы и даже сходил с ней в ЗАГС. Правда, позже выяснилось, что это тоже было частью игры: одноклассницу он не любил, но Алисе от этого, в принципе, было не легче.

Она вздрогнула, представив, что было потом. Ее несостоявшегося жениха убили, а она сама оказалась в эпицентре детективных страстей. Мысль о том, как она

взялась самостоятельно искать преступника, была ей неприятна. Себе Алиса всегда старалась говорить правду. А теперь она отчетливо понимала, сколько глупостей наделала. Оскорбила нескольких ни в чем не повинных людей, в том числе собственную свекровь. К счастью, бывшую. Более того, до последней секунды так и не смогла правильно вычислить убийцу. Озарение снизошло на нее в тот момент, когда она уже оказалась в его лапах, то бишь немного поздногато...

Спастись удалось только благодаря тому, что она с детства была смекалистой девицей. В последний момент Алиса успела нажать кнопку вызова на мобильном телефоне, и человек, которому она звонила, обо всем догадался и выручил ее.

За то, что она осталась в живых, Алиса Стрельцова горячо благодарила не только Бога и своего нового знакомого Игоря Стрелецкого, но еще и капитана Ивана Бунина. Крови он ей попортил изрядно (правда, Стрельцова признавала, что ему она ее отравила гораздо больше), зато именно он возглавил операцию по ее спасению, в которой комар носа не подточил.

Алиса до сих пор жалела, что при первой встрече прозвала этого достойного человека Тараканом (но рыжие усы придавали ему потрясающее сходство с этим представителем отряда прямокрылых). При ближайшем рассмотрении он оказался очень милым. А Ирина, сотрудница брачного агентства «Зимняя вишня», владелицей которого была Стрельцова, в него и вообще влюбилась. Опыт свахи (очень солидный) подсказывал Алисе, что к Новому году они точно сыграют свадьбу.

Ну и, конечно, самое главное, что в ходе всех этих детективных событий Алиса познакомилась с Игорем. Это был лучший друг ее убитого возлюбленного. И оказавшись в руках убийцы, она бросилась за помощью именно к Игорю. С этим самым лучшим, самым умным,

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

самым верным и самым надежным человеком она теперь связывала некоторые надежды на будущее.

Стрельцова старалась не загадывать, будут ли они вместе. И все-таки загадывала, старательно скрещивая пальцы на руке. Из суеверия. Уезжая от него в отпуск, она поставила себе задачу разобраться в собственных чувствах и мыслях. Скучать начала еще в Домодедово, когда с сыном Сережкой прошла паспортный контроль и повернулась помахать Игорю, который, конечно же, поехал их провожать. Он помахал в ответ, и она сразу почувствовала, что его уже не хватает.

Правда, первые пять дней, проведенные в Турции, она еще чувствовала себя ничего. Потому что практически все время спала. Ее подруга Наташка, работающая в туристическом агентстве, подобрала им с Сережкой замечательный отель неподалеку от Кемера. Построенный в виде большого корабля, носом разрезающего водную гладь бассейна, он назывался «Титаник». От красоты вокруг захватывало дух. У Алисы с сыном был роскошный номер, где она валялась в кровати до десяти утра. А затем шла на пляж, чтобы полюбоваться морем, затем минут тридцать покачаться на волнах, а потом уснуть на лежаке под навесом.

После обеда Алиса располагалась у бассейна, где тоже мирно подремывала, мало интересуясь окружающими событиями, а после обильного ужина снова шла на платформу у моря, где дышала мокрым морским воздухом, раскинувшись на огромных надувных подушках. Сережка, благодаря великолепной бригаде аниматоров, жил отдельной жизнью и совсем матери не докучал. Встречались они лишь в номере, часов в одиннадцать вечера.

Через пять дней такой растительной жизни Алиса поняла, что наконец-то начала испытывать эмоции. Во-

первых, тоску по Игорю, с каждым днем все более острую. Он же, как на грех, вел себя очень странно. Они созванивались каждый день, но он явно чего-то недоговаривал. Алиса с некоторой горечью начала думать, что этот мужчина так и останется ее мечтой и самым лучшим воспоминанием.

Во-вторых, чтобы отвлечься от грустных мыслей, она с любопытством разглядывала отдыхающих. Сами знаете, как это интересно, — наблюдать за парочками, пытаюсь угадать, кто они такие, и придумывать, какой жизнью они живут.

На немцев, коих в отеле было большинство, она внимания не обращала. Они все совершенно одинаковые, запрограммированные, словно роботы. Каждый день делают одно и то же в одно и то же время. Занимают одни и те же лежаки у бассейна и столики в ресторане, по команде каждые полчаса ходят в море, вечерами сидят в одних и тех же летних кафе неподалеку...

А вот русские туристы — настоящая отрада для разгулявшейся женской фантазии. Особенно любопытно было наблюдать за одной парой, которую Алиса заметила еще в самолете. Девушку она не знала. Той было лет двадцать шесть — двадцать восемь, и она выглядела как типичная любовница, которую богатый «папик» вывез за границу. Щебечущая сексуальная курочка, обвешанная бриллиантами в полкарата. Она в них ходила даже на пляж.

А вот в «папике» Стрельцова с некоторым изумлением узнала довольно крупного в их городе бизнесмена Сергея Муромцева и сделала вывод, что он приехал в этот отель тоже через Наташкину фирму. Все приличные люди их города, а Муромцев, несомненно, входил в разряд приличных, пользовались исключительно услугами «VIP-тура».

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

Сделав это открытие, Алиса переключила свое внимание на другие пары. Походы господина Муромцева налево ей были в общем-то по барабану. Однако через несколько дней пара вновь стала вызывать ее пристальный интерес.

Между ними явно что-то происходило. Девушка, которую Муромцев звал Ангелочком, была чем-то сильно расстроена. Выглядела взвинченной, беспрестанно курила, при этом у нее дрожали руки. Однажды Алиса услышала, что они разговаривают на повышенных тонах, но тактично прошла мимо.

Назавтра Муромцев исчез. Как вскоре выяснилось, попросту улетел домой, бросив Ангелочка одну в чужой стране. Алиса недоумевала, чем могла до того насолить ему бедная девушка, чтобы он так жестоко с ней поступил. Ангелочек два дня проходила с красными глазами, много плакала, а потом тоже исчезла. Вернее, уехала. Сережка доложил Алисе, что видел, как она с большим чемоданом садилась в такси у ресепшен. Видимо, решила не оставаться одна и поменяла рейс.

Впрочем, долго думать об этом Алисе не пришлось, потому что в тот день, когда Ангелочек покинула отель, к ней приехал Игорь. Алиса нежилась в шезлонге у бассейна и пила очень вкусный коктейль «Малибу» (белый ром «Баккарди», синий ликер «Кюрасао», ананасовый сок, кокосовый сироп, взбитые сливки, кусочек апельсина — все вместе безумно вкусно!), как вдруг увидела мчащегося со всех ног со стороны отеля Сережку, который махал руками и громко кричал.

Бежал он при этом не к матери, а мимо нее, навстречу к какому-то господину в белых льняных штанах, стоимость которых Алиса на глаз оценила долларов в семьсот. Когда же с проснувшимся интересом она подняла глаза выше, то обнаружила, что к ней по песку идет улыбающийся Стрелецкий. И заорала примерно

так же, как Сережка, переполошив кучкующихся рядом степенных немцев, которые отдыхали с двумя внучками.

— Игорь! — вопила Алиса, повиснув у него на шее и покрывая его поцелуями. Меткость попадания значения не имела. — Почему ты мне не сказал, что собираешься приехать?

— Хотел сделать сюрприз, — смеялся он, подхватывая ее поудобнее. — Как вижу, он у меня получился.

— Получился, еще бы не получился! — Очередной поцелуй пришелся ему в ухо. — Как здорово, что ты приехал, ты даже представить себе не можешь, как я по тебе соскучилась!

— Почему же, очень даже могу, иначе бы меня тут не было, — отвечал он.

Влюбленные быстренько собрали имущество и практически бегом отправились в номер. Сережка проводил их понимающим взглядом и прокричал, что, пожалуйста, пойдет часика полтора покатается на водных горках.

Оставшиеся четыре дня пребывания в Турции обещали быть весьма приятными, так что несчастная Ангелочек и бросивший ее господин Муромцев окончательно вылетели у Алисы из головы. Ей не было до них никакого дела.

Она с нескрываемым любопытством смотрела на сидящего перед ней капитана. Он так виртуозно выругался, услышав фамилию Муромцев, что Наталья аж рот раскрыла. Ругательство было многоэтажным, сложным, раскрывающим всю глубину охвативших капитана эмоций, и при этом совершенно цензурным. Повторить его Наталья не смогла бы при всем желании.

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

В общем-то, она даже понимала, почему известие о друге Ангелины Маркеловой вызвало такую реакцию. Сергея Муромцева в городе знала каждая собака. Знала и предпочитала обходить стороной.

Ему было чуть за пятьдесят. С молодых ногтей Сергей Васильевич занимался антиквариатом, в основном иконами. И официальные власти далеко не всегда одобряли его увлечение. В студенческие годы Муромцев отсидел пять лет за скупку краденого, но от любимого дела не отказался, дав себе, правда, зарок никогда больше не попадать за решетку.

Именно поэтому вся его дальнейшая, весьма бурная деятельность проходила на грани фола. Но все-таки удерживалась на этой грани. Закон он предпочитал не нарушать, а обходить, причем делал это до того легко и красиво, что все только диву давались.

Помимо своего первого, все же законченного после тюрьмы юридического образования Муромцев получил еще и второе — экономическое. В годы перестройки его фирмы росли, как трава после прополки дождливым летом. Сфера его интересов начиналась на антиквариате и... нигде не заканчивалась. Он продавал срубы для бани, чернику и клюкву, иконы, деревенские прялки, чугун, орехи и черномыльские яблоки, контрабандой ввозимые из Белоруссии.

Кроме того, он писал книги. Исторические труды с претензией на научность кляли историки и писатели, предавали анафеме священники и сметали с прилавков читатели. Последней любовью Муромцева стала политика. Он регулярно участвовал во всевозможных выборах и вот уже три года числился депутатом областного Законодательного собрания. К недовольству остальных депутатов, ярости губернатора и восторгу журналистов, которые на каждой сессии получали вождественное шоу,

по несколько дней не сходившее с экранов телевизоров и страниц газет.

Обо всем этом Наталья знала благодаря своей подруге Инне Полянской (творческий псевдоним Инесса Перцева). Инна работала журналистом в крупнейшей городской газете, а потому была полностью в курсе всех событий и биографий. Сергея Муромцева она характеризовала как «обаятельную сволочь», использовала как источник информации, но особо ему не доверяла, зная, что он в любой момент подставит и не задумается.

Для самой Натальи это был один из самых выгодных клиентов. По своей привычке брать лучшее Муромцев в частые заграничные поездки отправлялся только через агентство «VIP-тур». Работала с ним лично Наталья. И особым условием их договора был пункт о неразглашении как мест, в которых бывал Сергей Васильевич, так и сопровождающих его лиц.

До сегодняшнего дня Наталья свято блюла эти договоренности, и то, что ей пришлось нарушить данное слово, ее немного тревожило.

По реакции сидевшего перед ней блюстителя порядка она понимала, что персону нового фигуранта в деле ему не нравится. Личность Сергея Васильевича Муромцева гарантировала Ивану Александровичу Бунину хлопотные будни, несварение желудка и обязательный головной от начальства. Наталья ему от души сочувствовала, но помочь ничем не могла.

В то, что Муромцев мог выбросить Маркелову из окна, Наталья не верила. Слишком осторожным он был для этого, слишком расчетливым.

Капитан, которого ее подруга Алиса прозвала Тараканом, выругался еще раз, выбрался из удобного кожного кресла и начал прощаться. Минут через пять после его ухода в кабинет заглянул Развольский.

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

— Натусь, пойдем пообедаем, — предложил он, и хорошее настроение к ней вернулось.

Она обожала смотреть, как Стас ест. Как настоящий сибарит, он выбирал в меню самые изысканные блюда и тонкие вина, после чего приступал к священнодействию. Глядя, как он отправляет в рот маленькие аккуратные кусочки, Наталья иногда забывала есть сама, настолько увлекала ее эта картина.

Полюбоваться жующим шефом ей удавалось нечасто. Конечно, когда в город приезжали иногородние делегации или предстояла встреча с деловыми партнерами, Развольский всегда брал ее с собой. Но последний обед вдвоем ей выпал почти полгода назад, после их возвращения с Мальты.

Наталья накинула плащ, схватила сумку и выскочила в приемную.

— Мы с Натальей Петровной пообедаем, потом я в налоговую, — бросил Стас секретарше, во взгляде которой Наталье почудился укор. Мол, как же не ее, такую красивую и сексапильную в сетчатых колготках, этот красавец мужчина ведет в ресторан? «Лак свой облезлый смой», — зло подумала Наталья и поспешила к выходу.

— Куда сегодня едем? — спросила она у Развольского, когда машина вырулила со стоянки.

— На квартиру, — бросил он.

— Как? — удивилась Наталья. — Ты ведь сказал — на обед.

— Сегодня твой обед — это я, — самодовольно ответил Развольский. — Ты что, не понимаешь, я с утра ни о чем больше думать не могу. Такое волнение в штанах, что сидеть больно. Ты ведь не хочешь, чтобы мне было больно, а, Заяц? — И Развольский положил ее ладонь на вспученную спереди молнию.

Наталья даже вспотела от счастья, что воздействует на любимого так сильно. Но потерянного обеда ей все равно стало мимолетно жаль. Вскоре они уже парковались во дворе старого панельного дома, где Развольский снимал квартиру для любовных утех.

Они пользовались ею три-четыре раза в месяц, практически никогда не позволяя себе шалости на работе, где их могли застукать. Наталья знала, что Развольский приводит сюда и других женщин. Иногда в квартире пахло чужими духами, в прихожей валялись заколки для волос, а один раз Наталья даже обнаружила в ванной женскую прокладку.

Каждый раз она чувствовала себя так, будто ей на открытую рану вылили полстакана уксусной эссенции. Рана вспухала, вздувалась кровавыми пузырями, внутренне Наталья корчилась от нестерпимой боли, но внешне оставалась совершенно спокойной и невозмутимой. Обижаться, плакать, устраивать сцены ревности было категорически нельзя. Развольский не терпел даже малейшего посягательства на свою свободу, и Наталье приходилось насиловать себя, как монаху в веригах, чтобы соответствовать его запросам. Все, что угодно, лишь бы не бросил!

Она хорошо помнила, как где-то через год после начала их романа Стас, совершенно голый, прикурил первую послесексовую сигарету (так это у него называлось) и задумчиво сказал, глядя на лежащую на кровати Наталью:

— Ты все-таки удивительно комфортная женщина.

— Какая? — не поняла она.

— Комфортная. С тобой совершенно не нужно нянчиться. Подарил подарок — ты радуешься, как ребенок конфете. Не подарил — ты не обижаешься. Сцен не устраиваешь, губу не дуешь. Ты учти, Наташка, я в

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

тебе это качество ценю больше всего. Мне с твоей стороны проблемы не нужны.

Наталья все поняла и хорошенько запомнила. Свою комфортность для Станислава Николаевича Развольского она пестовала и шлифовала все последующие годы. И преуспела в этом настолько, что своей жизни без обеспечиваемого ею комфорта, как в бизнесе, так и во всем остальном, он совершенно не представлял.

Войдя в маленькую тесную прихожую, Развольский захлопнул дверь, не дав Наталье снять плащ, рывком поставил ее на колени и расстегнул брюки. Доставлять Стасу удовольствие ей нравилось. В этот момент она, хоть ненадолго, чувствовала себя властелиншей, могущественной волшебницей, которая могла изменить мир, всего лишь чуть сильнее сжав зубы.

Потом они оказались в кровати, и минут через пятнадцать Развольский обессиленно откинулся на подушки и закурил:

— Слава богу, полегчало.

«И почему при взгляде на него у меня мозги плавятся? — в очередной раз думала Наталья, рассматривая его, опершись на локоть. — Красив, конечно, но ведь красивых мужиков много. Хотя о чем это я? Стасик особенный. Спасибо тебе, Господи, что ты мне подарил встречу с ним!»

Рассердившись на дурацкие мысли, которые опять полезли в голову, Наталья перевернулась на другой бок и, чтобы переключиться, сказала:

— Жалко все-таки эту деваху. Молодая еще.

— Какую деваху? — Развольский расслабленно пустил в потолок кольца сигаретного дыма.

— Да эту, которая из окна упала. Маркелову.

— Какую Маркелову? — Стас резко сел на постели и требовательно посмотрел Наталье в лицо.

— Которая с Муромцевым в Турцию летала. Ангелина Маркелова, 28 лет.

— Ты что, хочешь сказать, что это она сегодня утром выпала из окна?

— Ну да.

— Бред какой-то. — Развольский вскочил с кровати и, как был нагишом, взволнованно забегал по комнате.

— Стас, ты ее знал, что ли?

— С чего ты взяла? — Он быстро натянул трусы и взялся за брюки.

— Не знаю, ты с утра не проявил к этой истории совершенно никакого интереса, а сейчас волнуешься.

— С чего ты взяла, что я волнуюсь? — Сев в кресло, шеф начал зашнуровывать ботинки. — Хотя, конечно, я волнуюсь. Не хватало нам еще влипнуть в какую-нибудь историю с Муромцевым. Сама знаешь, от него можно ждать любой гадости.

— Это точно. — Наталья вздохнула и тоже начала одеваться. Она хорошо знала своего обожаемого Стасика, поэтому могла дать на отсечение голову, равно как и любую другую часть своего тела: новость о том, что потерпевшей оказалась именно Ангелина Маркелова, ему не понравилась.

Еще через полчаса они притормозили у офиса, и Развольский деловито произнес:

— Конечная остановка, вылезай.

— Ты в налоговую? — спросила Наталья, помня, что он сказал секретарше.

— Нет, конечно. — Развольский от души расхохотался, открыв ровные белые породистые зубы. — Я обедаю. Сама понимаешь, после таких упражнений аппетит волчий просыпается.

— А я как же? — удивилась Наталья.

ПРИВОРОТ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

— Заяц, ну не можем же мы оба исчезнуть больше чем на час. Так что сегодня ты сидишь на диете. Тебе, кстати, полезно.

Стоя на тротуаре, Наталья смотрела вслед удаляющемуся джипу и глотала привычные слезы.

Встреча с Муромцевым не задалась с самого начала. Это он понял уже минут через пять. Максимум через десять.

Еще вчера, докладывая ведущему дело следователю, своему другу Сашке Мехову о том, что погибшая Маркелова была дружна с Муромом (именно такую кличку в молодости носил ныне уважаемый депутат Законодательного собрания), Иван был полон счастливых иллюзий.

— Ты прикинь, — горячился он, бегая по тесному меховскому кабинету, — мы только-только Шаповалова «закрыли», а сейчас у нас этот кент на подходе! Еще парочка таких громких дел — и быть тебе, Сашка, городским прокурором. А я точно могу дырку на погонах вертеть.

«Дело Шаповалова», действительно громкое, они раскрыли около месяца назад. Известный бизнесмен, приятельствующий с губернатором, оказался замешанным в торговле наркотиками и проституции, а также в нескольких убийствах. Расследуя все это, Бунин познакомился с Алисой Стрельцовой, и эта встреча до сих пор напоминала о себе чем-то наподобие неприятной отрыжки. Уж больно занозистая оказалась баба.

Арест Шаповалова имел огромный резонанс, и Бунин с Меховым довольно долго не сходили со страниц газет. Как человек, спасший Алису Стрельцову (ни дна ей ни покрывки), Иван даже получил от начальника

городского УВД полковника Травкина благодарность и именные часы. Уже с месяц он подозревал, что Травкин — тоже постоянный клиент брачного агентства Алисы Михайловны. С чего бы иначе такая прыть?

Возможность упечь за решетку Муромцева вводила Ивана в состояние сладкого восторга. Однако чурбан Мехов почему-то его эмоций не разделял.

— Да брось ты, Ванька, — сказал он, лениво наблюдая за бунинскими прыжками по кабинету. — Чтоб Муром и в тюрьге? Не с нашим счастьем.

— Почему? Я печенкой чую, что эту дамочку полетать отправил именно он!

— Ешь меньше жареного на ночь, печень шалить не будет, — серьезно отвечал Мехов. — Если бы он хотел от нее избавиться, утопил бы в турецком море на хрен. Не тот человек, чтобы ни с того ни с сего потерять самообладание из-за какой-то банковской курочки. У него таких — на каждом перекрестке. Если всех убивать, в городе естественная убыль населения приключится.

— Ты что, — Иван с подозрением посмотрел на друга, — его защищать намерен?

— Да чего его защищать? Ни при чем тут он.

— Так, может, мне с ним и не разговаривать?

— Не, разговаривать, конечно, надо. Но аккуратно. А то он, Ваня, тебя с дерьмом съест и костями не подавится. Ты вспомни, у него ж депутатская неприкосновенность.

— Да положил я на его неприкосновенность!

Сегодня, глядя на сидящего в большом кресле Муромцева, Иван чувствовал, что его уверенность слегка поуявляла. Этот огромный лохматый человек с тяжелым взглядом был действительно не похож на того, кто сбрасывает надоевшую любовницу с восьмого этажа.

ПРИВорот для Золушки

«Такие закатывают в бетон», — думал Иван, слушая спокойный рассказ об Ангелине Маркеловой и недавнем совместном отдыхе.

— Вы вместе летели в Турцию?

— Да. В аэропорту нас встретила машина, я заказал индивидуальный трансфер.

— Какое у потерпевшей было настроение?

— Какое может быть настроение у человека, который едет отдыхать в шикарный отель? — пожал плечами собеседник. — Хорошее у нее было настроение.

— Конечно-конечно. — Иван закивал головой. — Женщины всегда радуются, когда едут на море с любимым мужчиной.

— Не ерунди, капитан. — Муромцев поморщился от этой реплики, как от перебродившего вина. — Не было у нас никакой любви. Здоровый трах был. Ну и деньги я ей давал, конечно.

— То есть Ангелина Степановна вас не любила, и вы это знали?

— Конечно, знал. Меня, капитан, вообще мало кто любит. Трудно меня любить. А вот проводить со мной время, помогать мне расслабиться за вполне достойное вознаграждение — это легко. Понимаешь? Хотя куда тебе. С тобой-то бабы исключительно по любви спят.

Иван не совсем понял, считать ему эту реплику комплиментом или все-таки оскорблением, но, посмотрев на Муромцева, уточнить почему-то не решился.

— А вы ее любили?

— Нет. Не любил. — Бизнесмен вздохнул, показывая, насколько нелегко дается ему разговор с умственно отсталым. — Чего в ней любить-то было? Думаешь, у нее душа была широкая или умище необыкновенный? Девка как девка. Ноги длинные, сиськи большие, волосы до попы. Ну, и ..., конечно. Товарно-денежные отношения у нас были, капитан. Товарно-денежные.

ЛЮДМИЛА МАРТОВА

— Когда вы прилетели на родину, Маркелову в аэропорту кто-то встречал или вы сюда на вашей машине вернулись?

— А мы с ней в разное время вернулись.

— Почему? — искренне изумился Иван.

— Она в отпуске была, могла подольше солнечные ванны попринимать. А у меня, знаешь ли, капитан, бизнес. Он моего присутствия требует. Побаловался пару дней — и хватит.

— Но в турагентстве мне не сказали, что вы должны были вернуться раньше...

— Так и правильно, что не сказали. Им вообще не с руки языками лишнее молоть. Хотя они и не знали. Путевку я купил на весь срок, а потом мне позвонили, что накопились дела, которые без меня не разрулить, я и вернулся.

— А Ангелина Степановна не обиделась на вас, что вы ее одну бросаете?

— Она? На меня? Ее мнения по этому вопросу никто не спрашивал.

— А когда она вернулась домой, вы с ней не встречались?

— Не разводи ты меня, как лоха, капитан! — Муромцев снова досадливо поморщился. — Я даже не знаю, когда она вернулась. Если я не ошибаюсь, у нас еще на сегодня дня два остается оплачено. Так что чего ей на море не сиделось, на всем-то готовом, я не знаю.

— Когда вы улетели домой?

— Неделю назад.

— И неужели за это время вы ей даже ни разу не позвонили?

— Нет, не звонил. Зачем? Я здесь, она — там. А раз так, то о чем разговаривать.

ПРИВорот для Золушки

«Ей-богу, странно, — думал Иван по дороге на работу. — Может, у меня и нет опыта общения с женщинами за деньги, но одно я знаю точно: любая баба, будь она хоть трижды содержанка, все равно рано или поздно предъявляет на мужика права. И если сегодня она едет с ним на шикарный курорт, завтра он ее там бросает одну, а еще через пару дней она возвращается домой тоже раньше положенного срока, да еще при этом они даже не созваниваются, то что-то тут нечисто».

Посмотрев на часы, показывающие половину пятого вечера, он снова поехал в турагентство — появились некоторые вопросы к Наталье Петровне Удальцовой.

Сегодня она была одета в другой деловой костюм, но выглядела так же элегантно и строго, как и вчера. Иван снова отметил ненавязчивую атмосферу дорого обставленного кабинета, вдохнул приятный запах духов и оценил макияж, наложенный на лицо исполнительного директора фирмы «VIP-тур». Такой легкий и незаметный, какой может быть нанесен только очень дорогой косметикой. «Ирине такую куплю, — разозлился он про себя. — Она у меня тоже заслуживает».

Удальцова указала ему на вчерашнее кресло, а сама расположилась в соседнем, налив себе стакан минеральной воды.

— Что вы еще хотите узнать? — спросила она, и Иван неожиданно для себя отметил, что у нее довольно приятный голос. Высокий и мелодичный, как колокольчик.

— Видите ли, Наталья Петровна, я сегодня встретился с господином Муромцевым...

— И? — Удальцова слегка встревоженно посмотрела на него, и Бунин понял, что она хочет узнать, не будет ли у ее агентства неприятностей.

— Он оценил, что вы не сказали мне ничего лишнего, — поспешил он успокоить собеседницу, которая ему почему-то нравилась, хоть и дружила с Алисой Стрельцовой. — Муромцев сказал, что вернулся домой неделю назад, а Ангелина Маркелова тоже прилетела раньше срока, потому что их путевка оплачена еще на два дня.

— Я ничего про это не знала, — удивилась Наталья. — Честно говоря, разницу в два дня я просто не заметила. А про то, что Сергей Васильевич уже давно в городе, он мне, сами понимаете, не докладывал.

— Понимаю. Но мне бы хотелось знать, почему они оба не использовали до конца тур, который стоил немалых денег. Насколько я понимаю, в таких случаях стоимость путевки не возвращается?

— Конечно, нет, — подтвердила Наталья. — Но Муромцев — деловой человек, так что он вполне мог прервать поездку. А девушке просто стало скучно одной в чужой стране.

— Наталья Петровна, вы сами-то в это верите? Девушка, которую привез на море богатый «папик», остается одна в роскошном отеле, где все уже давно оплачено. Что она будет делать? Одно из двух. Либо воспользуется случаем, чтобы отдохнуть от надоевших кавалеров, либо тут же начнет искать себе другого среди отдыхающих.

— Пожалуй, вы правы, — спокойно согласилась Удальцова.

— Поэтому мне бы и хотелось узнать, какой именно вариант выбрала покойная Ангелина Степановна. Сами понимаете, командировку в Кемер мне начальство вряд ли оплатит.

— Вы хотите слетать туда за наш счет? — Удальцова надменно изогнула бровь.

ПРИВорот для Золушки

— Нет, — успокоил ее Иван. — Но одна просьба у меня к вам все-таки есть. Могли бы вы связаться с этим отелем, чтобы получить у них нужную информацию?

— Во-первых, я не могу этого сделать, потому что мы не работаем с отелями напрямую. А во-вторых, сами понимаете, я бы и не стала этого делать, поскольку эта история не сделала бы чести нашей репутации. А мы, поверьте, очень ее бережем.

— Конечно, — кивнул головой Иван.

— Но я знаю человека, который сможет вам помочь.

— И кто же это?

— В том же самом отеле «Титаник», где были Муромцев с Маркеловой, отдыхает Алиса Стрельцова. Насколько я знаю мою подругу, если между Муромцевым и Маркеловой что-то произошло, она это обязательно заметила. Алиса возвращается домой через два дня.

Увидев сложную гамму чувств, сменяющихся на лице Ивана, Удальцова весело расхохоталась.

ГЛАВА 4

СЕКРЕТЫ

СТАБИЛЬНОГО БРАКА

Все, что может испортиться, –
портится.
Все, что не может испортиться,
портится тоже.

Закон Чисколма